

A young woman with long, wavy red hair tied in a ponytail stands with her back to the camera. She is wearing a red, short-sleeved dress with a dark belt and a patterned skirt. She is looking up at a massive, towering mechanical robot that dominates the upper half of the frame. The robot has a complex, industrial design with various pipes, gears, and a large, glowing blue circular light on its chest. It stands in a lush, green mountain landscape with rolling hills and a blue sky with scattered clouds. The overall scene is one of awe and wonder.

Дия Ко

Кулон
Судьбы:
Возвращение
Богини

Дия Ко

**Кулон Судьбы:
Возвращение Богини**

«Автор»

2025

Ко Д.

Кулон Судьбы: Возвращение Богини / Д. Ко — «Автор», 2025

Леся вернулась в свой мир после триумфа на священной горе, где она, обычная школьница, стала богиней и остановила адскую машину, пожирающую реальности. Но победа оказалась иллюзией: кулон, перенёсший её в параллельный мир, хранит древние тайны, а кошмары о пропадающих богинях не дают покоя. Вместе с Калином — её верным защитником, переродившимся в этом мире как Коля Лебедев, — Леся начинает опасное расследование. Кто такой таинственный Мастер, выковавший кулон задолго до её рождения? Почему машина появляется сразу после прибытия каждой богини, вытесняя их ни с чем? Леся и Коля рискуют пробудить то, что лучше оставить спящим. Граница реальностей истончается, а время на исходе: новая угроза уже чувствует сигнал кулона. "Кулон судьбы: Возвращение Богини" — захватывающее фэнтези о выборе между обыденностью и судьбой, где героиня борется не только с внешним злом, но и с собственной идентичностью. Продолжение истории о смелости, любви и цене спасения миров.

© Ко Д., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1. Почти как сон	5
Глава 2. Три богини	9
Полина Сергеевна	9
Алина — королева	11
У дуба	13
Глава 3. Домой	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Дия Ко

Кулон Судьбы: Возвращение Богини

Глава 1. Почти как сон

Лето уползало, как тёплая кошка с подоконника: нехотя, лениво, но неумолимо. Вечером воздух всё ещё был тёплым, но по утрам из окна уже тянуло прохладой, а на школьном дворе у старого дуба начали желтеть самые смелые листья. Скоро снова звонок, дневник, оценки, контрольные и этот вечный вопрос: «Леся, когда ты наконец возьмёшься за ум?»

Только теперь этот вопрос казался почти смешным.

Если бы они знали, что их «ленивая и невнимательная Леся» буквально пару месяцев назад танцевала с мечом богини на вершине священной горы и останавливала адскую машину, глотающую миры... Впрочем, никто не знал. И, похоже, знать не собирался.

Иногда самой Лесе казалось, что всё произошедшее — сон. Слишком уж неправдоподобный, слишком яркий. Вроде бы помнишь каждый камушек на тропинке к Южным землям, каждый смешок Рилы и каждый взгляд Калина, но стоит попытаться рассказать — и слова разваливаются на скучные «ну, там была магия», «там был жрец», «там была машина». Где-то между реальностью и её языком всё самое важное растворялось.

Если бы не кулон.

Кулон лежал у неё на груди, холодный и тяжёлый, как всегда. Камень в центре казался обычным — серо-голубым, если смотреть при дневном свете, — но стоило прикрыть глаза и сжать его пальцами, как внутри просыпалось знакомое, тихое, будто дышащее тепло. Не такое сильное, как тогда, на вершине горы, но вполне ощутимое.

И ещё — был Калин.

Точнее, здесь его звали Колей, но для Леси он упорно оставался Калином. Даже когда она по привычке обзывала его «Колька» и слышала в ответ фальшиво-обиженное: «Эй, я вообще-то старше», — внутри всё равно звучало прежнее: Калин.

Он появился в её мире так же внезапно, как она появилась в том. Просто в день, когда она пересдала обществознание, она сидела у дуба, вспомнила, как в прошлый раз сунула руку в дупло, и... услышала голос.

Она обернулась, и сердце сделало такой кульбит, что, казалось, сейчас выпрыгнет и укатится по асфальту.

Он стоял и просил подкинуть ему мяч. Немного другой, чем в том мире: волосы подстрижены короче, вместо плаща — обычная куртка, вместо меча — торчащая из кармана бутылка воды. Но глаза... Глаза были те же самые.

Потом всё завертелось: он, оказывается, «Коля Лебедев, сын директора школы», «давно здесь живёт», «был в коме после аварии» и прочее, от этого у Леси окончательно поехали ориентиры.

А главное — он помнил всё. И ту гору, и Рилу, и жреца, и машину, и её танец.

Только вот был один маленький, неприятный нюанс.

Калину удавалось всё.

В этом мире он словно родился с чит-кодами. Учёба — пожалуйста, спорт — сколько угодно. Учителя его обожали, одноклассники уважали, мамы подруг строили планы выдать за него своих дочерей, а папы слегка напрягались, но признавали: «Парень толковый».

А Леся... Леся как была «Лесей с проблемами по алгебре и обществознанию», так ею и осталась. Только теперь к этому прибавилось ещё и «Леся, которая ночами видит машину,

пожирающую миры». С такой анкетой особо не побегаешь по школьному коридору, смеясь с подружками.

Сегодня они, как обычно, сидели под дубом. Тем самым, у которого всё началось. До сентября оставалась неделя.

Калин лежал на спине, подложив руки под голову, и смотрел в проплешины между листьями. Лесю тянуло лечь так же, но она сидела, поджав ноги, и крутила кулон в пальцах.

— Ещё раз, — сказала она.

— Мы это уже обсуждали, — лениво отозвался он. — Раз двадцать.

— Ещё один раз, — настояла Леся. — Вдруг ты вспомнишь что-то новое.

Он вздохнул, но не спорил. В этом они с ним были похожи: если уж вцепились в вопрос, отпускать его не умели.

— Ладно, — согласился он. — Слушай тогда ещё раз.

Леся знала каждое слово из этой истории. Но каждый раз, когда он начинал говорить, ей казалось, что где-то между предложениями появится новая трещинка, через которую она наконец увидит, что именно пошло не так.

— Ты танцевала на вершине, — начал он, — а я разговаривал со жрецом. А потом вдруг понял, что слышу твой голос... не ушами. Внутри. Словно ты спрашиваешь меня о самом сокровенном.

Он повернул голову к ней, и Лесе пришлось сделать вид, что она внимательно изучает травинку у своих кроссовок.

— Ты спрашивала: «Какое твое самое сокровенное желание?» — продолжал он. — И я понял, что боюсь только одного. Что ты исчезнешь. Что всё закончится. Что я опять останусь один в мире, который вот-вот рухнет.

Леся стиснула кулон так сильно, что тот болезненно впился в кожу.

— И?

— И я сказал это, — ответил он просто. — Не вслух. Где-то там, внутри. «Я не хочу с тобой расставаться. Никогда». А потом... ты исчезла.

Он говорил спокойно, почти привычно, но Леся каждый раз слышала за этим спокойствием то, чего он не произносил. Страх. Вину. И ту же самую непонятную пустоту, которая поселилась в ней самой.

— Машина остановилась, — тихо добавил он. — Вспышка — и тишина. Жрец тебе не успел ничего сказать, помнишь? А я ещё стоял и не понимал, что произошло. А потом полез на гору.

Дальше — по сценарию. Леся могла бы продолжить за него, но не перебивала.

— Тебя там уже не было, — сказал Калин, глядя куда-то сквозь листья. — Зато на камне лежал кулон. Твой. Я подумал: если он забрал тебя туда, может, вернёт тебе меня. Взял его в руку... и всё. Падение, темнота, и я просыпаюсь здесь, в больнице, а рядом мама плачет и говорит, что я очнулся после аварии.

Он замолчал. Ветер шевельнул листья. Леся поймала себя на том, что задержала дыхание, и позволила себе наконец выдохнуть.

— И ты сразу всё вспомнил? — спросила она, хотя знала ответ.

— Почти, — пожал плечами Калин. — Сначала кусками. Сны, обрывки, голоса. Думал, свихнулся. А потом... потом просто перестал делить «там» и «здесь». Сел за учебники, пошёл на тренировку, выучил, как работают местные правила. Но прошлую жизнь не выкинул. Куда её выкинешь?

Он снова перевёл взгляд на неё:

— Лесь, тебя же не это мучает.

Она промолчала пару секунд, потом всё-таки кивнула. Он умел так — смотреть и снимать с неё все маски.

— Там всё слишком быстро закончилось, — выдохнула она. — Понимаешь? Я только-только начала хоть что-то понимать. Жрец — раз, Рила — два, машина — три. И сразу финал. Как будто кто-то торопился закрыть книгу, пока я ещё не успела дочитать.

Калин слегка приподнялся на локте.

— Закрыть богиню, — уточнил он.

Леся усмехнулась безрадостно.

— Вот именно. Как будто от богинь специально избавляются. Машина появилась почти сразу, как я попала в тот мир. Я едва научилась не падать, когда меч поднимаю, а мне уже: «Вот тебе вершина, вот тебе ритуал, давай, спасай мир, время пошло». Ни тебе ответа на вопрос, кто вообще придумал эту систему, ни тебе внятного объяснения, почему в каждом мире появляется богиня и адская машина за ней.

Она замолчала, а потом, неожиданно даже для самой себя, добавила:

— И кто тот Мастер, который сделал кулон. И зачем богиням вообще приходить туда, если их так быстро выкидывают обратно.

Эти вопросы жили в ней с того самого дня, как она очнулась в своей комнате. Сначала они были тихими, но с каждой ночью, с каждым сном про машину становились громче.

Калин сел окончательно, обняв колени — теперь они сидели почти одинаково.

— Ты вспоминала её? — спросил он. — Ту, что была до тебя.

Леся дернулась.

— Полину? Да. И дневник её. «Я — богиня этого мира, но, кажется, меня никто об этом не спрашивал», — процитировала она хрипло. — Если жрец не врал, я была далеко не первой. До меня приходили другие. И машина тоже приходила. И большинство из них... — она запнулась, — вернулись в свои миры ни с чем. Или не вернулись совсем.

Она нащупала взглядом ветку, под которой когда-то впервые увидела кулон в дупле. Смешно: обычное школьное дерево, а сколько жизней через него прошло.

— Может, в этом и был план, — предположил Калин. — Быстро вызвать богиню, быстро проверить, успеет ли она, и так по кругу, пока не попадётся та, которая дотанцует до конца.

— Красивая лотерея, — усмехнулась Леся. — А если бы я не согласилась? Если бы испугалась и убежала? Или вообще не нашла кулон?

— Тогда кто-то нашёл бы вместо тебя, — ответил он. — Полина нашла. Наверняка ещё кто-то до неё. Кулон же не сам по себе в дупле вырос.

Леся повернулась к нему:

— Вот именно. Его кто-то сделал. Тот самый Мастер, о котором бормотал жрец. «Великий мастер древних времён, выковавший мост между мирами». И ни одной нормальной подробности. Ни имени, ни цели. Только красивые фразы. Как будто бояться, что богиня задаст лишний вопрос.

Она замолчала, а потом уже тише добавила:

— Я чувствую себя... не героиней, а деталькой в чужой машине. Как будто меня вставили в нужный отсек, покрутил механизм — и выбросил.

Калин какое-то время молчал, потом аккуратно дотронулся до её запястья.

— Есть разница, — сказал он. — Между деталькой, которая просто крутится, и той, которая в какой-то момент ломает всю машину.

— Я разве её сломала? — скептически приподняла бровь Леся. — По-моему, мы максимум нажали на «паузу».

— Но пауза — тоже выбор, — возразил он. — Для мира это была разница: исчезнуть сейчас или успеть сделать ещё один вдох. Для Рилы — увидеть отца или нет. Для меня — остаться там и быть поглощённым машиной или выйти оттуда к тебе.

Он пожал плечами:

— Для мастера, который всё это придумал, может, это и мелочь. А для нас — нет.

Леся всмотрелась в его лицо, и вдруг стало больно от того, насколько он здесь «свой». Сын директора, отличник, спортсмен, любимчик. И одновременно — чужой, потому что внутри у него, как и у неё, два мира, две биографии, две системы координат.

— Но я всё равно хочу знать, — упрямо сказала она. — Кто придумал кулон. Почему машина приходит так быстро. Что было с теми, кто был до меня. Почему богинь возвращают ни с чем, если они «не справились». Это же не просто экзамен по математике, Коля.

Он чуть заметно улыбнулся тому, что она опять назвала его по-нашему «Коля».

— Поэтому ты и таскаешь меня под этот дуб каждый день, — резюмировал он. — Не потому что любишь слушать, как я в сотый раз рассказываю про голос в голове, а потому что думаешь: если нажимать на одно и то же место, рано или поздно память расколется, как орех.

— Примерно, — призналась Леся.

Он чуть наклонился вперёд.

— Тогда, может, пора нажимать не только на мою память? — предложил он серьёзно. — Ты говорила про дневник. Про Полину. Про то, что жрец намекал на других богинь. Если они возвращаются сюда... где-то в этом мире должны быть те, кто тоже помнит. Не только я и ты.

Эта мысль уже шевелилась у неё в голове последние дни, но слышать её вслух было всё равно страшно.

— Ты предлагаешь что? — спросила Леся. — Пойти и постучаться в каждую дверь: «Здравствуйте, вы не богиня из параллельного мира?»

— Ну, можно начать скромнее, — усмехнулся Калин. — С библиотек, архивов, странных старушек с очень внимательными глазами... Ты же сама рассказывала, что у той, кто была до тебя, был дневник. Если она каким-то образом оказался здесь...

Он запнулся, и в его взгляде мелькнул знакомый азарт — тот самый, с которым он когда-то предлагал пробраться ночью через охраняемые ворота.

— Леся, — сказал он, — ты сама жалуешься, что всё слишком быстро закончилось там. Может, продолжение всегда было здесь?

Она опустила глаза на кулон. Камень в центре тихо мерцал в отражении закатного света, и на мгновение ей показалось, что глубоко внутри вспыхнула едва заметная искра.

— Может быть, — призналась она. — Но только если мы найдём тех, кто знает больше, чем жрецы любили рассказывать.

Ветер прошелестел в ветвях дуба. Где-то вдалеке щёлкнул мяч — во дворе кто-то играл в футбол. Мир играл свои обычные роли, не подозревая, что под одним из деревьев богиня и её защитник обсуждают, как вскрыть чужой план.

Леся сжала кулон, на этот раз не из отчаяния, а словно проверяя: жив ли ты, откликнешься ли, если я позову?

Тепло под пальцами стало ощутимее, и в глубине сознания на секунду блеснул знакомый образ — страницы, исчерченные аккуратным девичьим почерком.

Дневник. Предшественницы.

Леся открыла глаза и встретилась взглядом с Калином.

— Ладно, — сказала она. — Давай искать тех, кто был до меня.

Он кивнул, словно именно этого и ждал.

Лето ещё не закончилось. А история, как оказалось, и не думала быть «почти как сон».

Глава 2. Три богини

Полина Сергеевна

Леся толкнула тяжёлую дверь школьной библиотеки, и та со скрипом открылась, выпуская запах старой бумаги, пыли и чего-то сладковатого — наверное, от чая, который всегда пьют библиотекари. Внутри было полутемно, свет падал только от настольной лампы на стойке. За ней сидела женщина средних лет, с лицом, которое могло быть и в тридцать, и в сорок пять: тонкие морщинки вокруг глаз, несколько седых прядей в тёмных волосах, собранных в строгий пучок. На носу — тонкие очки в металлической оправе. Она перебирала карточки каталога, не поднимая головы.

— Простите, — тихо сказала Леся. — Вы Полина Сергеевна?

Женщина медленно подняла взгляд. Её глаза — серые, тусклые, как осеннее небо, — скользнули по лицу Леси, по её плечам, и внезапно застыли на цепочке, выглядывающей из-под воротника. Полина Сергеевна замерла. Карточка выпала из рук, шлёпнулась на стол.

— Кулон... — прошептала она. Голос дрогнул. — Твой кулон светится... в этом мире.

Леся машинально коснулась украшения. Камень был тёплым, как будто под кожей в груди бился второй, чужой пульс.

— Пройдите... в подсобку, — быстро сказала библиотекарь. — Немедленно.

Она поднялась так резко, что стул отъехал с визгом. Леся оглянулась — в библиотеке никого, только где-то в глубине шуршали страницы. Полина крепко взяла её за локоть — неожиданно сильной рукой — и потащила за стойку, в узкий проход между стеллажами.

Подсобка оказалась крошечной комнатой: стол, заваленный стопками книг, старый чайник на подоконнике, пара потрёпанных кресел, окно во двор с облупленной рамой. Полина закрыла дверь на ключ, повернулась к Лесе. Лицо белое, как мел.

— Покажи ближе, — хрипло сказала она. — Жрец говорил... кулоны должны оставаться там. Только тот, кто забрал его в момент перехода, может принести сюда. Ты... ты была там, верно?

Леся молча вытащила кулон. Камень в центре тускло блеснул в свете лампочки — не ярко, но живым светом. Полина ахнула, протянула руку, но не коснулась — только замерла в сантиметре, будто боялась обжечься.

— Точно такой же... — прошептала она. — Сколько тебе лет?

— Четырнадцать, — ответила Леся.

Полина отступила к стене, опёрлась ладонью, словно у неё вдруг подкосились ноги.

— Мне было шестнадцать, когда я нашла свой, — тихо сказала она. — Садись. Я тоже была богиней. Той, что была до тебя.

Она налила чай из термоса — крепкий, горький, с запахом ромашки. Руки дрожали, чай расплескался по блюду. Леся села в кресло, чувствуя, как сердце стучит в висках.

— Меня зовут Полина Сергеевна Козлова, — начала женщина, садясь напротив. — Но там, в том мире, меня звали просто Полиной. Жрец — тот самый, которого ты, наверное, знаешь — нашёл меня в лесу через три дня после прибытия. Объяснил всё: кулон — ключ, машина — угроза, гора — испытание. Сказал, что я — богиня этого мира.

Она усмехнулась — безрадостно.

— Я верила. Училась. Магия, боевые приёмы, танец меча... Два года тренировок. Я привыкла к тому миру. У меня были друзья. Люди, которые смотрели на меня как на надежду.

Она замолчала, глядя в чашку. Глаза заблестели.

— Машина пришла на пятый месяц после начала настоящих боевых действий, — тихо продолжила она. — Я стояла на горе, держала меч. Я пыталась танцевать, как учили. Но когда она приблизилась... ноги не держали. Внутри всё сжалось от ужаса. Я смотрела на неё и понимала: я не богиня. Я школьница из нашего города, которая играет в героиню.

Она провела пальцем по трещине на фарфоре.

— Машина прошла сквозь меня, — шёпотом сказала Полина. — Не ударила, не сожгла. Просто... прошла. И забрала всё. Магию, силу, ощущение, что я что-то значу. Кулон выпал из руки и остался там, на камне. А меня выкинуло обратно.

Она подняла на Лесю взгляд.

— Я очнулась в своей кровати. Родители говорили, что я три месяца лежала с температурой и что врачи до сих пор не могут понять, что это было. А я помнила каждый день там. Каждое "мы верим в тебя, богиня". Каждого, кого не смогла спасти.

Леся сжала пальцами край кресла.

— А здесь? — спросила она. — Что вы делали здесь?

Полина пожала плечами.

— Поступила в институт. Закончила. Пришла работать в эту библиотеку. Здесь тихо. Никому до меня нет дела. Так проще. Не нужно притворяться богиней. Не нужно никого спасать. И не нужно каждый день видеть, как в тебе разочаровались.

Она вздохнула.

— Но однажды... — голос её чуть оживился, — в школе появилась девочка. Ваша Алина. Она всем направо и налево рассказывала, что была богиней в другом мире. "Истинной богиней", — передразнила Полина. — Писала посты в интернете, выкладывала "магические" картинки, собирала вокруг себя девчонок: мол, я избранная, а вы — нет. Все думали, это игра. Модно сейчас — всякие фэнтезийные ролики.

Полина посмотрела Лесе прямо в глаза.

— Только я знала, что это может быть правдой. Слишком точно она описывала некоторые вещи. Слова жреца. Вид горы. Я решилась и поговорила с ней. Без свидетелей. Сказала прямо: "Я тоже была там". Она сначала смеялась... а потом призналась. И рассказала свою историю.

— И что она сказала? — спросила Леся.

Полина горько усмехнулась.

— Сказала, что богиней быть было "офигенно". Что учиться не нужно, потому что есть магия и прислужница, которая сделает за неё всё. Что все бегали по первому её слову. И что когда появилась машина, она даже не пыталась встать на путь. За неё вышла та самая прислужница. Машина её сожрала. А Алину выкинуло обратно. И кулон — там.

Она замолчала.

— Ищите её, — сказала Полина. — Она расскажет. Но... берегитесь. Для неё быть богиней — это игра в власть. Не в ответственность.

Алина — королева

Алина ждала их после уроков у школьного крыльца, как будто знала, что они придут. Высокая, стройная, в идеальных джинсах и светлой кофте, с безупречным макияжем и волосами, уложенными мягкими локонами. На плечо небрежно был накинута фирменный рюкзак. Вокруг неё крутилась парочка девчонок, но, увидев Колю, они тактично растворились.

— Ну здравствуй, богиня, — протянула Алина, скользнув взглядом по Лесе. Взгляд остановился на кулоне. Глаза мелькнули интересом. — Ого. Ты его тоже притащила.

— "Тоже"? — переспросила Леся, напрягшись.

— Не здесь, — вмешался Коля. — В кафе.

Кафе напротив школы было шумным: музыка, запах пиццы, звон посуды. Они заняли столик у окна. Алина заказала себе латте с карамелью и чизкейк, Лесе — чай (не спросив, но попав угад), Коле — кофе.

Она откинулась на спинку стула, закинула ногу на ногу и какое-то время просто рассматривала Леся, будто примеряясь.

— Значит, ты — та самая следующая, — сказала наконец. — После меня.

— Жрец говорил, что богини никогда не пересекаются, — осторожно заметила Леся. — Только через истории.

— Жрец много чего говорит, — отмахнулась Алина. — Начнём с главного: да, я была богиней. Да, мне там нравилось. Устраивает?

— Расскажи, — тихо попросил Коля.

Алина усмехнулась.

— Ох, как официально. Ладно, слушайте. Было классно. Все делали, что я скажу. Захотела — солнце ярче, захотела — дождь. Мне говорили, что я должна "защищать мир", "готовиться к великому испытанию", но... честно? Мне понравилось, что наконец-то я — главная. Не учителя, не родители, не эти ваши правила. Я.

Она отпила кофе, облизала ложку.

— Учиться? — продолжила она. — Зачем? У меня была прислужница. Милая, послушная девочка. Она делала всё: уроки по стратегии, тренировалась с жрецом, разбиралась в политике земель. Я выходила на занятия только тогда, когда нужно было красиво махнуть рукой и сказать умную фразу. Все и так верили, что я гениальна.

Леся почувствовала, как внутри поднимается волна злости. Где-то в памяти вспыхнули собственные тренировки, сбитые ладони, боль в мышцах, бесконечные попытки запомнить движения танца.

— А машина? — спросила она, стараясь говорить ровно. — Что ты делала, когда она пришла?

Алина фыркнула.

— Ничего. Зачем? Прилетела — огромная, чёрная, как паук, глаза горят, как печи. Жуткая, конечно. Жрец начал орать, что "час богини настал", прислужница побелела... и сама вышла вперёд. С мечом. Мол, "я помогу". Машина её сожрала — я серьёзно, это было мерзко: вспышка, хруст, и её нет. А меня просто... выбросило. Как будто кто-то нажал "выход в меню".

Она пожала плечами.

— Очнулась в своей комнате. Родители в слезах, врачи, "ты чуть не утонула в бассейне" — помните? — она улыбнулась. — А я помню совсем другое.

У Леси перехватило дыхание. Сцена всплыла во всей яркости: урок физкультуры, новый бассейн, класс у бортика, учитель радостно кричит: "Все в воду!", а у неё внутри всё сжимается. Хлорный запах, блеск гладкой поверхности, глубокая синяя яма под ней — и паника. Она тогда закричала, схватила учителя за рубашку, впиалась ногтями в край бортика, пока её

не вытащили. Потом долго плакала в раздевалке. В школе неделю обсуждали: "Леся чуть не утонула, хотя ещё в воду не вошла".

Алина, конечно, помнила.

— Кстати, — продолжила она с лёгкой улыбкой, — какой из тебя богиня, если ты воду боишься? Весь класс видел, как ты в бассейне истерику устроила. Утонуть, не войдя в воду — это талант.

Слова ударили точно в больное место. Леся почувствовала, как уши вспыхнули, как будто на них вылили кипяток.

— Я... — начала она, но слова застряли.

Коля резко вмешался:

— Это не имеет отношения к делу, — сказал он холоднее, чем обычно. — Страх воды не отменяет того, что Леся остановила машину. Она танцевала до конца. Ты — нет.

Алина покосилась на него, потом снова на Лесю.

— Ну да, ну да, — протянула она. — Вы тут, я смотрю, команда. Она — богиня, ты — защитник. Романтика. Только не забывай, Лесь, что богиня, которая боится воды, звучит... забавно.

Она склонила голову набок, с притворным интересом.

— Ты хоть в том мире плавать научилась? — язвительно спросила она. — Или там тоже истерила у края водопада?

— Я... не боюсь всего подряд, — выдавила Леся. — Только... когда не чувствую дна.

— Ах, ну конечно, — Алина лениво отмахнулась. — Впрочем, какая разница. Там у тебя, наверное, всё получалось. Там магия, меч, поклонники. А здесь что? Девочка, которая не может зайти в бассейн. Ты правда думаешь, что в этом мире ты — богиня?

Внутри что-то хрустнуло. Леся сжала кулаки. Ей хотелось закричать, что она не просила быть богиней ни здесь, ни там. Что она боялась не только воды, но и машины, и ответственности, и того, что не справится. Но в отличие от Алины, она всё равно вышла на гору.

— Ей и не надо быть богиней здесь, — спокойно сказал Коля. — Достаточно того, что она ею была там. И сделала то, чего не сделал никто из вас.

Алина усмехнулась, но в её взгляде мелькнула тень раздражения.

— Ладно, не обижайтесь, — сказала она. — Я просто честна. Мы все там были собой. Я — ленивая королева. Ты, Леся, — испуганная, но, видимо, упёртая. Ты, Коля, — рыцарь без доспехов. Мир просто показал нас такими, какие мы есть. И если тебе было там так хорошо, — она снова повернулась к Лесе, — может, тебе стоит туда и вернуться. Там никто не заставит тебя лезть в бассейн.

Это было сказано вроде бы шутливо, но угодило в самую сердцевину. Леся резко встала, стул с грохотом отъехал назад.

— Знаешь что, — выдохнула она. — Может, я так и сделаю.

И, не дожидаясь реакции, повернулась и вышла из кафе. Коля окликнул её, но она только сильнее ускорила шаг.

У дуба

Она почти бежала. Асфальт стучал под кроссовками, вечерний воздух резал горло. Слёзы выжигали глаза. В голове вихрем крутились слова:

"Что это за богиня, если боится воды?" "Весь класс видел, как ты истерику устроила" "Здесь ты — девочка, которая не может зайти в бассейн."

Да, она боялась воды. Всегда. С тех пор, как в детстве утонула её любимая игрушка в глубоком пруду, а её саму еле вытащил какой-то мужчина в зелёной куртке. Она не помнила его лица, только ледяную воду в лёгких и небо, уходящее куда-то вверх. С тех пор бассейны, реки, даже глубокие ванны вызывали панику.

Но там, в том мире, вода была другой. Там были прозрачные ручьи, где она помогала крестьянам напоить поля. Там был тёплый туман над озером у южных земель, где она сидела с Рилой и слушала истории о её отце. Там она стояла на мосту, глядя на быстрый поток, и впервые не дрожала от страха — потому что знала: если упадёт, Калин прыгнет следом.

Не вода была страшной. Страшной была пустота под ногами. Отсутствие опоры.

У старого дуба во дворе она остановилась. Сердце колотилось так, что казалось — его слышат все вокруг. Слёзы высохли, оставив после себя тупой жар в глазах.

Леся уткнулась лбом в шершавый ствол.

"Что это за богиня, если боится воды?" — эхом повторила она про себя. "Та, которая всё равно пошла на гору", — ответила другая часть её.

Она сжала кулон в ладони. Тёплый. Живой.

И вдруг, почти физически, вспомнила другое. Не страх. Радость.

Как она впервые исцелила раненого воина — держала руки над кровоточащей раной, чувствовала, как сквозь неё проходит сила, как ткань стягивается, как мужчина удивлённо смотрит на неё и хрипит: "Спасибо, богиня!"

Как помогала жителям деревни вызвать дождь, когда засуха чуть не погубила урожай, и потом дети носились по лужам, визжа от счастья.

Как Рила, прижимаясь к ней, шептала: "Если бы не ты, мамы и братика уже не было бы".

Не власть нравилась Лесе. Не поклон. А эти благодарные глаза. Эти радостные возгласы. Осознание, что она может сделать что-то невозможное — и кому-то станет легче дышать.

— Я хочу обратно, — прошептала она. — Не чтобы мной восхищались. А чтобы помогать.

Она закрыла глаза. Глубоко вдохнула. Отошла от ствола на пару шагов.

Тело помнило.

Первый шаг — правой ногой вперёд. Поворот, как учили жрецы: плечо уходит, руки описывают дугу, словно в них невидимый меч. Потом шаг в сторону, выпад, круг. В кедах это выглядело странно, на асфальте — ещё страннее, но мышцы двигались самостоятельно, вспоминая каждое движение, отточенное на горе.

Где-то сбоку кто-то шепнул: "Смотри, Леська танцует". Кто-то хихикнул. Она не слышала.

Кулон в её ладони отозвался сразу. Нагрелся сильнее, словно внутри него разгорелся крошечный костёр. Камень зашевелился, засиял мягким золотистым светом, который пробился сквозь сомкнутые пальцы.

Леся ускорила шаг. Ветер поднялся, и листья дуба зашумели громче обычного. Воздух вокруг стал плотнее, гуще, как перед грозой. Мир сузился до ритма: шаг-поворот-взмах, шаг-поворот-взмах.

Она чувствовала, как где-то внутри что-то откликается. Как будто мир по ту сторону цепляется за каждое её движение.

— ЛЕСЯ! — донёлся сквозь шум листвы знакомый голос.

Она открыла глаза на секунду.

Сквозь завесу вихря, в котором закрутились листья, пыль и маленькие соринки, она увидела Колю. Он бежал к ней со стороны школы, расталкивая ребят у входа. Лицо взволнованное, глаза широко раскрыты. Он кричал её имя, тянул руку, будто мог успеть схватить.

На миг ей захотелось остановиться. Дать ему догнать, сказать, что она всё равно не сможет без него. Что страшно. Что там тоже бывает страшно. Что вода, машина, ответственность — всё это возвращается.

Но кулон пылал всё горячее. Ветер ревел так, что перекрывал его крик.

"Поздно", — подумала она. В груди кольнуло, но вместе с болью пришла твёрдость. — В этот раз я справлюсь без тебя.

Она закрыла глаза окончательно и продолжила танец, уже не думая о том, как это выглядит со стороны. Руки, ноги, дыхание — всё подчинялось одному ритму. Кулон вспыхнул ослепительным светом.

Мир дрогнул. Шум двора исчез, как если бы кто-то выключил звук. Ощущение опоры под ногами растворилось, будто она шагнула не на землю, а в пустоту.

Вспышка — яркая, белая. Падение.

И — уже без всяких сомнений — Леся поняла: она возвращается туда, где её называли богиней. Туда, где вода была страшной, но не парализующей. Туда, где страхи стоили того, чтобы их преодолевать.

Глава 3. Домой

Леся открыла глаза и сразу поняла: что-то пошло иначе.

Под ней была не прохладная лесная трава, а горячий, сыпучий песок. Он стремительно забивался в кеды, осыпался с ладоней, когда она попыталась подняться. Воздух дрожал от жары, солнце било в глаза слишком ярко, не прикрытое ни кронами, ни облаками. Вдалеке, на фоне золотистых барханов, темнело пятно — поселение, низкие глиняные домики и россыпь цветных пятен, наверное, шатров или навесов рынка.

— Пустыня... — прошептала Леся. — Вот этого я не заказывала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.